

DOI: 10.31857/S013038640017182-8

© 2021 г. Л.Г. БЕРЛЯВСКИЙ, В.А. БОНДАРЕВ

ИММИГРАНТСКИЕ КОММУНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР) 1920–1930-х годов: ОРГАНИЗАЦИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ

Берлявский Леонид Гарриевич – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: berlg@yandex.ru

Researcher ID: E-4601-2014

Бондарев Виталий Александрович – доктор исторических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: vitalij-bondarev27@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4558-3564

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников, центральными элементами которого выступают архивные материалы, осуществлен анализ одной из недостаточно освещенных в научной литературе проблем – возникновения и функционирования иммигрантских коллективных хозяйств в важных сельскохозяйственных регионах РСФСР (СССР) на протяжении 20–30-х годов XX в. Обосновано положение о том, что молодое Советское государство было заинтересовано в размещении на своей территории прибывавших из-за рубежа сторонников коммунистической доктрины, готовых содействовать строительству социализма в РСФСР и, в частности, создавать коллективные хозяйства, укреплять их и тем пропагандировать социалистические идеи в деревне. В отношении иностранцев или реэмигрантов, изъявивших желание трудиться в колхозах, действовал режим наибольшего благоприятствования, установленный советским законодательством. Доказано, что иммигрантские хозяйства обладали значительными техническими и кадровыми ресурсами, а равно и идейно-политической мотивацией для того, чтобы внести ощутимый вклад в преодоление переживаемых Советской Россией трудностей и содействовать социалистической модернизации сельского хозяйства. Обосновано авторское мнение, что, наряду с успешными иммигрантскими колхозами (коммунами), достигавшими заметных результатов в своей хозяйственной и агитационно-пропагандистской деятельности, целый ряд подобных коллективных хозяйств не сумел укрепиться на российской почве под влиянием различных причин, в том числе из-за подозрительно-недоверчивого отношения к иностранцам со стороны партийно-советских чиновников. В 1930-х годах ведущей тенденцией стало сокращение притока иностранных добровольцев в колхозы, поскольку характерные для советской действительности шпиономания, подозрительность и нетерпимость к инакомыслию превращали иммигрантов в нежелательных персон в СССР.

Ключевые слова: иностранцы, реэмигранты, коллективные хозяйства, режим наибольшего благоприятствования, законодательство, колхозы, СССР, РСФСР.

L.G. Berlyavsky, V.A. Bondarev

Immigrant Communes in Soviet Russia (USSR) of the 1920s–1930s: Organization, Functioning, Relations with the Authorities

Leonid Berlyavsky, Rostov State University of Economics “RINH”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: berlg@yandex.ru

Researcher ID: E-4601-2014

Vitaly Bondarev, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: vitalij-bondarev27@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4558-3564

Abstract. Based on a wide range of sources, the article, the central elements of which are archival materials, analyzes one of the problems that are not sufficiently covered in the scholarly literature, namely the emergence and functioning of immigrant collective farms in important agricultural regions of the RSFSR (USSR) during the 1920s–1930s. The article substantiates the position that the young Soviet state was interested in placing on its territory the maximum possible number of supporters of the communist doctrine who arrived from abroad and were eager to contribute to the construction of socialism in the RSFSR in every possible way, in particular, by creating collective farms, strengthening them and thereby promoting socialist ideas in the countryside. Therefore, the Soviet legislation adopted and applied the most-favoured-nation regime for foreigners or re-emigrants who expressed a desire to work on collective farms. It is demonstrated that the immigrant farms had significant technical and human resources, as well as ideological and political motivation to make a tangible contribution to overcoming the difficulties experienced by Soviet Russia and to promote the socialist modernization of agriculture. Yet, along with successful immigrant collective farms (communes), which achieved noticeable results in their economic and propaganda activities, several such collective farms failed to gain a footing on Russian soil, among which not the least was the suspicious and distrustful attitude towards foreigners on the part of Soviet party-officials. In the 1930s, the leading trend was a reduction in the influx of foreign volunteers to collective farms since the espionage, suspicion, and intolerance towards foreigners characteristic of Soviet reality turned immigrants into undesirable persons in the USSR.

Keywords: foreign citizens, re-emigrants, collective farms, most-favoured-nation regime, Soviet legislation, agricultural regions RSFSR.

Ожесточенная и кровопролитная Гражданская война 1917–1922 гг. привела к масштабной эмиграции из России представителей аристократии, дворянства, офицерства, чиновничества, интеллигенции. Вместе с тем отмеченная негативная тенденция в скором времени была дополнена прямо противоположными процессами, а именно – миграционными потоками, устремившимися в Советскую Россию из Европы и Америки.

В РСФСР, а затем и в СССР стали прибывать как тоскующие по родине, не нашедшие себя за границей эмигранты, так и разделявшие коммунистические идеи иностранные граждане. Многие из них стремились в РСФСР в ответ на призывы В.И. Ленина, надеясь помочь молодой Советской республике и воплотить в жизнь теоретические разработки классиков марксизма.

Среди устремившихся в Россию иностранцев было немало промышленных рабочих. После принятия Советом труда и обороны (СТО) РСФСР 22 июня 1921 г. постановления «Об американской промышленной эмиграции», где предусматривалось «развитие отдельных промышленных предприятий или групп предприятий путем сдачи их группам американских рабочих и индустриально развитым крестьянам на договорных условиях», иностранных рабочих и специалистов «можно было встретить на металлургических заводах Урала, в Донбассе и Кузбассе, в Тамбовской и Орловской губерниях»¹.

¹ *Парамонов И.В.* Пути пройденные. М., 1970. С. 157.

В то же время значительная часть устремившихся в Советскую Россию иммигрантов ждала заниматься сельским хозяйством, причем на социалистических началах. В советской деревне появились «иммигрантские коммуны», представлявшие собой специфический тип коллективного хозяйства. Ряд таких коммун возник на Дону, Кубани и Ставрополье.

В советской историографии вопросы возникновения, устройства и деятельности иммигрантских коллективных хозяйств в РСФСР (СССР) рассматривались не единожды². Советские авторы небезосновательно трактовали иммигрантские коммуны как яркий образец пролетарского интернационализма и акцентировали внимание на организационно-хозяйственных достоинствах и производственных достижениях данных колхозов. Однако, по понятным причинам, в советской литературе практически не затрагивались такие темы, как недочеты и проблемы в функционировании иммигрантских коммун, их зачастую непрямые взаимоотношения с партийно-советским руководством на местах, судьба ряда иностранных коммунаров во времена сталинского террора.

Недостаточно освещены проблемы возникновения и функционирования иммигрантских коммун и в постсоветской историографии, что превращает их в актуальный предмет научного исследования. Настоящая публикация призвана заполнить отмеченные лакуны на основании анализа архивных документов. Нами были проанализированы материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а наиболее важными компонентами источниковой базы выступили документы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО), в которых содержится массив информации о создании, устройстве, функционировании иммигрантских коммун, о положении иммигрантов в СССР, о политике компартии в отношении таких коммун.

Первые иммигрантские коммуны развернули в РСФСР свою деятельность уже в начале 1920-х годов. В частности, возникшее еще в мае 1919 г. в США «Общество технической помощи Советской России» с конца сентября 1921 г. по октябрь 1922 г. направило в РСФСР не только две строительные и одну шахтерскую, но и семь сельскохозяйственных коммун³. По сведениям отдела промышленной иммиграции Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР, к 1 октября 1922 г. в Россию прибыли шесть сельскохозяйственных коммун, в которых насчитывалось 280 человек. Две коммуны были направлены в Тамбовскую губернию, две – в Донскую область и еще две – на Украину⁴. К середине 1926 г. в Советском Союзе существовало около 30 иммигрантских колхозов, в том числе 17 коммун и артелей на территории РСФСР⁵.

Ряд иммигрантских колхозов был создан на Юге России в начале 1920-х годов на территории Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Царицынской губерний. В 1922 г. в Сальском и Донском округах Донской области получили землю и приступили к обустройству, соответственно, коммуны «Сеятель» и «Калифорния». В 1923 г. в Донском округе Донской области разместилась коммуна «Койт», также на Дону – сельскохозяйственная артель «Сан-Франциско», а в Армавирском округе Кубано-Черноморской области – коммуна «Америка». Все они, как понятно из названий, состояли из американских эмигрантов.

В октябре 1924 г. Дон, Кубань, Ставрополье объединились в границах Северо-Кавказского края, просуществовавшего до января 1934 г. На этой территории продолжилось

² См.: *Тарле Г.Я.* Друзья Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР 1920–1925 гг. М., 1968; Ленинский путь донской станицы / под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. Ростов-на-Дону, 1970; Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971). Часть II. Ростов-на-Дону, 1973; *Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929. М., 1976.

³ См.: *Парамонов И.В.* Указ. соч. С. 156–157.

⁴ См.: *Гришаев В.В.* Указ. соч. С. 152.

⁵ См.: *Тарле Г.Я.* Указ. соч. С. 207, 208.

размещение колхозов, состоявших из иностранцев. В 1924 г. в Кубанский округ приехала из США коммуна «Рыбак». В 1925 г. на Дону появился еще один иммигрантский колхоз — товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) «Красная Германия». В том же году в Армавирском округе разместились коммуна «Кладненская»⁶, а в Усть-Медведицком округе Царицынской губернии — коммуна «Словацкая». Члены этих колхозов являлись выходцами из Чехословакии⁷.

В целом 70% членов иммигрантских колхозов являлись выходцами с американского континента и 30% — из европейских стран — Германии, Чехословакии, Швейцарии, Финляндии и др.⁸ Однако непосредственно американцев среди иммигрантов было немного, подавляющее большинство составляли бывшие подданные Российской империи — не только этнические русские, но и украинцы, эстонцы, латыши, литовцы и др. По данным на 1926 г., в «Калифорнии», являвшейся одной из наиболее пестрых в национальном отношении коммун, насчитывалось 147 членов, в том числе 51 гражданин СССР (без указания конкретной национальности), 81 русский реэмигрант (т.е. этнические русские, вернувшиеся из-за рубежа), 2 венгра, 2 югослава, 2 немца, испанец, турок, серб, татарин (в источнике не указано, откуда таковой родом, возможно, это тоже реэмигрант) и только 5 американцев⁹. В коммуне «Койт» первоначально преобладали эстонцы: члены обследовательских комиссий, проверявших состояние коммуны, категорично утверждали в 1926 г., что она «состоит исключительно из эстонцев»¹⁰.

Соответственно, хотя к середине 1920-х годов численность коммун росла «почти исключительно за счет притока членов из-за границы»¹¹, удельный вес иностранцев был в коммунах невелик. В той же «Калифорнии», как видим, иностранцы составляли менее 10%.

С другой стороны, существовали практически мононациональные коммуны, каковой являлась «Кладненская». Кроме того, крайне важно подчеркнуть, что некоторые реэмигранты прожили за границей достаточно долго (до 10–15 лет) и, подобно Джеку Восьмеркину, вернулись на родину основательно «вываренными» в американском или европейском котлах. Они изменились не только внешне, но и в культурно-психологическом плане, их сознание приобрело новые черты, они привыкли к американскому (европейскому) образу жизни и характеру деятельности, некоторое время придерживаясь их и по возвращении на родину.

Кем бы не являлись члены иммигрантских колхозов — иностранцами или реэмигрантами, — они находились на особом положении, которое регулировалось советским законодательством. При определении правового статуса иностранных граждан в Советской России (Советском Союзе) в 1920–1930-е годы действовал национальный режим, т.е. правовой режим, которым пользуются собственные граждане; таковой нашел отражение во внутреннем законодательстве РСФСР и СССР, в конституциях, декретах, кодексах и других нормативных правовых актах¹².

⁶ Кладненская коммуна получила наименование от города Кладно в Чехословакии, где была сформирована 1 июня 1924 г. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 572. Л. 19.

⁷ См.: Гришаев В.В. Указ. соч. С. 155; Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971)... С. 38.

⁸ См.: Гришаев В.В. Указ. соч. С. 152.

⁹ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 62 об., 63.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 10 об.

¹² См.: Богуславский М.М., Рубанов А.А. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1962; Галенская Л.Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982; Фельштинский Ю.Г. К истории нашей закрытости: законодательные основы советской эмиграционной и иммиграционной политики. London, 1988; Лазарев Л.В., Марышева Н.И. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.). Первая часть // Юридические исследования. 2013. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=796 (дата обращения: 02.03.2021) и др.

Правовой статус иностранных граждан в СССР определялся на основе принципов, заложенных Конституцией РСФСР 1918 г., дополненных и уточненных другими нормативно-правовыми актами. Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1926 г., иностранцами признавались граждане государств, не входивших в состав СССР, имеющие в удостоверение этого надлежащие иностранные паспорта и не являвшиеся гражданами союзных республик СССР. Документом, удостоверявшим признание за тем или иным лицом иностранного гражданства, был установлен вид на жительство¹³. Домицилированными иностранцами признавались «лица, состоящие в иностранном гражданстве, если они законно проживали в Союзе ССР и не менее 18 месяцев занимались на его территории промышленностью, торговлей, ремеслом и тому подобными видами не воспрещенной законом деятельности». Именно им российское законодательство присваивало право наделения земель в трудовое пользование¹⁴.

Статья 20 Конституции РСФСР 1918 г. гласила, что Советское государство предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской республики «для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству», что повторилось и в Положении о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г.¹⁵ За местными Советами признавались полномочия предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства¹⁶.

Положения о гражданстве СССР от 13 июня 1930 г. и от 22 апреля 1931 г. в целом сохранили прежний порядок приема в советское гражданство иностранцев. Любой иностранец, достигший 18-летнего возраста, вне зависимости от того, где он проживал, в СССР или за рубежом, мог обратиться с просьбой в соответствующие советские органы (за рубежом — в полномочные представительства или консульства СССР) с заявлением о приеме в советское гражданство. Постановление о приеме в гражданство принимал Президиум ЦИК СССР или союзной республики, в которой проживал иностранец.

Постановление и Инструкция ЦИК СССР о выборах в Советы от 3 октября 1930 г. распространили избирательные права на всех «иностранцев граждан из категории служащих, проживающих на территории Союза ССР». Однако учитывалось наличие «достаточных доказательств» полной лояльности их по отношению к советской власти¹⁷.

Советское законодательство наделяло иностранцев правами на тот или иной род деятельности в пределах РСФСР (СССР). На основании ст. 8 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. в состав гражданских прав иностранцев были включены право заниматься торговлей, нанимать жилые помещения, заводить промышленные предприятия, нанимать рабочих и служащих и др.¹⁸

Земельный кодекс РСФСР (ст. 9) предусматривал допуск к пользованию землей только граждан, «желающих обрабатывать ее своим трудом»¹⁹. На основании Постановления СНК СССР от 3 февраля 1925 г. союзным республикам, с учетом растущего притока в страну иммигрантов и реэмигрантов, было предложено дополнить свои Земельные кодексы статьей, предусматривавшей трудовое пользование землей трудящихся иностранных граждан, как проживающих на территории Союза ССР, так и прибывающих в ее пределы²⁰. Согласно договорам, заключавшимся между советским правительством и прибывавшими в СССР иностранцами, советская сторона предоставляла им

¹³ Собрание законов СССР (далее — СЗ СССР). 1926. № 51. Отд. 1. Ст. 439.

¹⁴ См.: *Белковец Л.П.* Указ. соч.

¹⁵ СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 202.

¹⁶ Собрания узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

¹⁷ СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 524.

¹⁸ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

¹⁹ СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

²⁰ См.: *Белковец Л.П.* Указ. соч.

землю в аренду, а они обязывались привезти с собой сельхозмашины и инвентарь на определенную сумму, дабы обрабатывать сельхозугодья «с применением высокоразвитой машинной техники Запада»²¹.

По существу, советское законодательство устанавливало для иностранцев (реэмигрантов) режим наибольшего благоприятствования, исключая какую-либо дискриминацию. Прибывавшие в СССР иностранцы в массе своей были готовы самоотверженно трудиться не только на благо «первого в мире пролетарского государства», но и ради торжества коммунизма во всем мире. Об этом свидетельствуют, например, расписки иностранцев-коммунаров: «Я, нижеподписавшийся, вполне сознаю все трудности, которые переживает Советская Россия... и настоящим заявляю, что при приезде в Россию буду заниматься своим ремеслом или профессией в своей группе сельскохозяйственной коммуны..., что везу с собой достаточно средств (деньги, инструменты, машины, продовольствие и одежду), чтобы обеспечить свое существование (и своих родных) не менее чем на год. Также заявляю, что я вполне здоров и трудоспособен, что подтверждаю собственноручной подписью»²².

Иммигранты обладали возможностями для того, чтобы внести ощутимый вклад в развитие Советской России. Помимо высокой идейной мотивации, иммигрантские коммуны отличались от остальных коллективных хозяйств гораздо более мощной технической базой. В начале 1920-х годов технический парк основной массы колхозов Советской России (Советского Союза), вне зависимости от того, являлись ли они коммунами, сельскохозяйственными артелями или товариществами по совместной обработке земли (ТОЗами), был весьма скуден, в частности подавляющее большинство колхозов не имело тракторов.

По статистике, даже в 1928 г., когда помощь государства коллективным хозяйствам серьезно выросла в связи с курсом на коллективизацию, на каждый колхоз в среднем приходилось лишь 0,3 трактора²³. Между тем к октябрю 1922 г. иммигрантские коммуны, прибывшие в Советскую Россию, привезли с собой 25 тракторов, 4 молотилки, 10 сенокосилок, 10 сноповязалок, 6 картофелесажалок, 2 сенопогрузчика, 4 кукурузорезателя и другие механизмы²⁴. Многие иммигрантские коммуны располагали двумя и более тракторами. В частности, согласно материалам обследования иммигрантских колхозов Северо-Кавказского края, проведенного в феврале–апреле 1926 г., имевшийся у них «инвентарь по своему ассортименту и качеству позволял применять все самые совершенные способы обработки земли. Наличие тракторов (не менее 3 и до 7 на коммуну) мощностью от 2 до 60 и 70 лошадиных. — Л.Б., В.Б.) сил вполне разрешало вопрос о тягловой силе»²⁵. Коммуна «Койт», например, располагала шестью тракторами. В Кладненской коммуне имелось семь тракторов, сложная паровая молотилка, два моторных плуга в 40 и 80 лошадиных сил, автомобиль, грузовик, а также оборудование для механической мастерской²⁶.

Таким образом, надежды советской власти на применение иммигрантами «высокоразвитой машинной техники Запада» не выглядели беспочвенными. При этом земельные площади коммун, несравнимо более крупные, чем крестьянские наделы, позволяли использовать эту технику в полную силу.

Казалось бы, столь мощные в техническом отношении хозяйства могли добиться крупных успехов в аграрной сфере и стать маяком для окрестных хлеборобов, которые устремились бы в колхозы. Действительно, ряд иммигрантских коммун сумел укрепиться

²¹ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 572. Л. 52.

²² Гришаев В.В. Указ. соч. С. 151–152.

²³ См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 270.

²⁴ См.: Гришаев В.В. Указ. соч. С. 152.

²⁵ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 11.

²⁶ Там же. Д. 51. Л. 105. 162; Д. 572. Л. 52.

на российской почве и достичь существенных экономических результатов. Можно в некоторой мере согласиться с тем, что деятельность коммун «способствовала увеличению производства сельскохозяйственной продукции»²⁷. Помимо этого, иммигранты проводили пропагандистскую и культурную работу среди крестьян, демонстрируя им несомненные выгоды применения сельхозмашин и рациональных приемов ведения сельского хозяйства.

Ярким примером является коммуна «Сеятель», которая преодолела финансово-материальные трудности первых лет существования и в 1925 г. получила после расчетов с кредиторами чистой прибыли на сумму около 68,2 тыс. руб. (одной только пшеницы коммунары собрали на сумму более 119 тыс. руб.). В том же году коммуна отремонтировала в своей мастерской несколько сельскохозяйственных машин, принадлежавших местным жителям и организациям, а также провела лекцию о пользе реализации агрономических знаний в сельском хозяйстве (подобная лекция была проведена и в 1924 г.).

Местных жителей, особенно молодежь, привлекало в коммуне еще и то, что здесь проводились спектакли и киносеансы. Как указывали современники, «подрастающее поколение (из окрестных селений. — Л.Б., В.Б.) почти еженедельно бывает в коммуне, слушают лекции, беседы, спектакли и пр. Чувствует себя духовно удовлетворенным и относится с благодарностью к членам коммуны»²⁸. На протяжении последующих лет, ценой «тяжелого, ... но радостного свободного труда коммунары построили образцовое коллективное хозяйство», выстроив «на месте голой степи... два цветущих культурных поселка с замечательными красивыми бетонными и кирпичными постройками»²⁹.

Однако технический потенциал многих других коллективных хозяйств иммигрантов остался по большей части нереализованным. Немало иммигрантских колхозов оказались убыточными и не только не привлекали крестьян, но иной раз дискредитировали саму идею коллективного труда по ряду разноплановых причин.

Национальный состав иммигрантских колхозов дает основания предполагать, что одной из причин их затруднений могли стать межэтнические конфликты: в источниках зафиксированы факты трений как между иммигрантами и местным населением, так и внутри самих коммун. В «Калифорнии» случались перепалки между русскими коммунарами и американцами. Первые обвиняли вторых в неумении работать, а те, в свою очередь, называли русских «некультурными» и лентяями, не желающими трудиться и не понимающими идей коммунизма. Еще одним конфликтогеном в «Калифорнии» выступали заметные различия в уровне материального обеспечения («одеждой, обувью и проч. домашней утварью») американцев и коммунаров из местного населения, так как американцы были «обеспечены в полной мере, лица же принятые в коммуну здесь[,] имеют жалкий вид в сравнении с приехавшими из Америки»³⁰. Чехи и словаки из Кладненской коммуны, которая, вопреки их желанию, была объединена с русской коммуной им. 10 лет Октября (в ней состояли демобилизованные краснофлотцы), считали бывших матросов причиной хозяйственного упадка и высказывали «пожелания о том, чтобы все Балтфлотцы скорее потонули, и т.д.». Причем, по словам самих чехов и словаков, «русские коммунары (балтфлотцы. — Л.Б., В.Б.) через пальцы смотрели на нас», т.е. относились свысока³¹.

Местные крестьяне иной раз возмущались тем, что отдельные коммуны слишком широко привлекали наемную рабочую силу из числа их односельчан, например, коммуна

²⁷ Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971)... С. 38.

²⁸ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 11 об., 139, 143, 144.

²⁹ Справка выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки о коммуне «Сеятель» Сальского района Ростовской области. 1939 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под. ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осолкова. Краснодар, 1972. С. 711.

³⁰ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 62 об., 63.

³¹ Там же. Д. 572. Л. 45, 66.

«Койт», вследствие чего, как утверждали современники, «окрестное население не называет коммунаров иначе как эксплуататорами»³². Разумеется, об эксплуатации речь не шла: коммуна платила наемным работникам за их труд. Но некоеперированным крестьянам не нравился сам факт их найма на работу в колхозы, к которым они относились довольно скептически.

Все же нет никаких оснований преувеличивать опасность межнациональных конфликтов для иммигрантских коммун. Дальше единичных трений или взаимных обвинений дело никогда не заходило. Представляются справедливыми утверждения членов обследовательских комиссий об «отсутствии каких-либо шовинистических элементов» во взаимоотношениях местного населения с иммигрантами³³. Гораздо более опасны для иммигрантских коммун были их натянутые отношения с целым рядом местных чиновников.

На наш взгляд, наиболее существенными факторами, затруднявшими деятельность иммигрантских колхозов и снижавшими ее результативность в 1920-х годах, являлись особенности их организационно-хозяйственного устройства. В первую очередь заслуживает упоминания базовый принцип коллективного ведения хозяйства – обобществление средств производства.

С одной стороны, переход орудий труда из частной собственности в общественную позволял создать необходимую для функционирования колхоза материально-техническую базу. Обратной же стороной обобществления выступало отчуждение работников от средств производства и бесхозяйственность. Сотрудники комиссий, обследовавшие состояние иммигрантских колхозов, нередко указывали на факты вопиющей бесхозяйственности: «Уход и хранение с.х. инвентаря (в коммуне «Калифорния». – Л.Б., В.Б.) заставляет желать много лучшего... Везде по двору встречаются разбросанные и заросшие бурьяном сноповязалки, плуги, сеялки и т.п. инвентарь»; «общий вид усадьбы коммуны («Койт». – Л.Б., В.Б.) поражает своим беспорядком и отсутствием хозяйственности. Инвентарь и машины валяются в беспорядке по разным углам усадьбы и под открытым небом, и в этом отношении усадьба коммуны имеет довольно неприглядный вид, походя на усадьбу самого захудалого, махнувшего на все рукой хлебороба»³⁴.

По состоянию хозяйства больно била и уравниловка в оплате труда, особенно характерная для коммун, где, как отмечали современники, заработная плата «совершенно не зависит от растрачиваемой отдельными членами энергии и от проявляемой ими старательности»³⁵. Равная оплата подрывала заинтересованность колхозников в результатах производства и порождала трудовую апатию. Указывая на такого рода факты, сотрудники обследовательских комиссий констатировали в апреле 1926 г.: «Обычной болезнью коммун является ненормально низкая производительность труда, понижающая уровень материальной обеспеченности коммун...»³⁶.

Впрочем, в отдельных коммунах велась борьба с уравниловкой. Любопытно, что в «Сеятеле», ставшем одной из лучших коммун, был предусмотрен учет труда: «Выдача премии по 3 коп. за каждый проработанный час является побуждающим стимулом для поднятия производительности труда»³⁷. Конечно, это была мизерная сумма, но наличие такого подхода говорит о том, что руководство коммуны понимало важность материального стимулирования трудовой деятельности.

Отношения коммунаров-иммигрантов с местными советскими чиновниками складывались не всегда просто. В административном и хозяйственном отношении

³² Там же. Д. 51. Л. 106.

³³ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 572. Л. 45.

³⁴ Там же. Д. 51. Л. 65, 106.

³⁵ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 11 об.

³⁶ Там же. Л. 11 об.

³⁷ Там же. Л. 137, 139.

иммигрантские коллективные хозяйства подчинялись местным органам власти — районным комитетам компартии и исполнительным комитетам Советов рабочих и крестьянских депутатов, руководству колхозсоюзов и т.д. Высокопоставленные партийные функционеры и идеологи декларировали необходимость всячески поддерживать иммигрантов, однако сформировавшийся в РСФСР (СССР) партийно-советский бюрократический аппарат оказывал отрицательное, а иной раз даже разрушительное, воздействие на те или иные иммигрантские коммуны.

Сказывались многочисленные негативные стороны советской бюрократии (косность, формализм, неповоротливость и др.), равно как морально-этические и деловые качества некоторых ее представителей. Источники 1920-х годов с удручающим постоянством повторяют, что население страдает «от насилия местной власти»³⁸, с возмущением реагирует на «многочисленные беспорядки в местных органах... и злоупотребления отдельных местных работников»³⁹ и не считает местную власть «достаточно хорошей, достаточно работоспособной»⁴⁰. Иммигрантам на собственном опыте пришлось убедиться в справедливости данных констатаций.

Кроме того, в глазах местного партийно-советского начальства, зачастую не отличавшегося должным уровнем идеологической, да и элементарной грамотности, иммигранты выглядели нежелательными в РСФСР (СССР). Насколько позволяет судить об этом содержание документов, в 1920-х годах мотивы недоброжелательного отношения государственных служащих к прибывшим в страну иностранцам и реэмигрантам были разными, но превалировали среди них сам факт принадлежности иммигрантов к гражданам капиталистических стран, низкий процент членов РКП(б)—ВКП(б) в иммигрантских коммунах, а также недостаточно коллективный стиль внутреннего жизнеустройства этих коммун.

Сотрудники обследовательских комиссий указывали, что «внутренняя жизнь коммунаров не имеет выдержанного полностью коммунистического характера», так как дети находятся не в яслях, а при родителях, прачечных нет (есть только в «Сеятеле»), и женщины стирают отдельно, в Кладненской коммуне «нет даже общей столовой». Впрочем, признавалось, что «эти пробелы вызваны отсутствием соответствующих помещений только»⁴¹, так что поставить в вину недостаток коммунистического быта иммигрантам было нельзя. Более серьезным раздражителем для большевиков являлась крайне слабая вовлеченность иммигрантов в ряды РКП(б)—ВКП(б).

Формально в иммигрантских колхозах существовали партийные и комсомольские ячейки, но сами иммигранты в основном оставались членами зарубежных партий, только механически переведенными в ВКП(б)⁴². Поэтому партийные функционеры воспринимали иммигрантов как идеологически и политически чуждых субъектов, отзываясь о них с презрением: «Разве это коммунисты — это меньшевики...»⁴³.

Неблаговидным являлось и происхождение иммигрантов — они были родом из капиталистических государств, и местное начальство огульно причисляло иммигрантов к «капиталистам» и подозревало в том, что приехали они в Страну Советов не с целью помочь в построении социализма, а ради наживы: «Захотели разжиться, но не удалось», «надоело с ними нянчиться — хотя бы скорее уезжали», «не умеют работать, лентяи, господа»⁴⁴.

³⁸ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 396. Оп. 6. Д. 27. Л. 9 об., 720.

³⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 870. Л. 2, 42.

⁴⁰ Там же. Д. 1023. Л. 65.

⁴¹ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 2. Д. 51. Л. 13.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 572. Л. 63.

⁴⁴ Там же.

В действительности, конечно, иммигранты не являлись «господами»-капиталистами и не обладали крупными капиталами. В большинстве своем они имели вполне чтимые в СССР социальные происхождение и принадлежность. Так, 54,6% членов коммуны «Сеятель» составляли чернорабочие (грузчики, носильщики и проч.), 17% – сельскохозяйственные и заводские рабочие, 7% – фермеры⁴⁵. В коммуне «Койт» 64% членов составляли фермеры⁴⁶ и другие труженики села.

Однако заграничное происхождение сыграло с ними злую шутку в СССР, граждане которого, и коммунисты особенно, видели в капиталистическом зарубежье врага и нередко огульно переносили подобные представления на всех выходцев из-за рубежа. Кроме того, иммигранты в общении с местным начальством проявляли неуместное свободомыслие и пытались отстаивать свою точку зрения, что никак не добавляло им популярности в глазах советской бюрократии.

В итоге, руководство коммунами со стороны местных организаций и органов власти, как правило, было формальным и ограничивалось составлением различных отчетов и предписаний. Реальной помощи от властей коммуны практически не получали. Так, коммуна «Калифорния» не могла преодолеть трудности с жилыми помещениями, поскольку Северо-Кавказский крайисполком, предписавший передать ей часть строений местного свинзавода, не проконтролировал выполнение этого решения, в результате чего завод помещения не отдал. Местное же земельное управление о положении коммуны «не знало»⁴⁷.

Члены Кладненской коммуны утверждали в своем коллективном письме, направленном в марте 1930 г. в Наркомат земледелия СССР, что из-за отсутствия должного содействия со стороны местных властей они буквально «голодали», им приходилось «продать одежду и купить продукты на пропитание своих детей»⁴⁸. Вместо помощи местные начальники стремились «нажиться на капиталистах», выдавая иммигрантским коммуналам краткосрочные кредиты под «зверские проценты»⁴⁹. Местные органы власти нисколько не считались с интересами иммигрантов, позволяя себе, например, соединять или разъединять различные коллективные хозяйства против воли их членов. Не были редкостью и факты злоупотребления «бездушных советских чиновников»⁵⁰ своим положением. Наиболее показательна судьба упомянутой коммуны.

Члены этой коммуны – чехи и словаки – хорошо зарекомендовали себя, сумев в первый же год своей деятельности преодолеть массу экономических трудностей, в том числе выплатить краткосрочные кредиты под огромный процент и даже получить около 4 тыс. руб. прибыли. При этом они не забывали о культурно-пропагандистском воздействии на окрестных хлеборобов. Среди местного крестьянства коммуна была достаточно известна благодаря своей мастерской и тракторным курсам, на которых обучались желающие из числа местных жителей, причем бедняки – бесплатно⁵¹.

Однако в конечном итоге коммуна развалилась, не выдержав административно-бюрократической «опеки». Как утверждал инструктор Северо-Кавказского крайсоюза колхозоюзозов Е. Северов, занимавшийся исследованием трагической судьбы чехословацкой коммуны, «руководство Кладненской коммуной со стороны Армавирских руководящих организаций привело ее постепенно к распаду и хозяйственному замиранию»⁵². Сотрудники «Армавирских руководящих организаций» прямо злоупотребляли своим

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 51. Л. 10.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 62, 63.

⁴⁸ Там же. Д. 572. Л. 67.

⁴⁹ Там же. Л. 56.

⁵⁰ Там же. Л. 55.

⁵¹ Там же. Д. 51. Л. 11 об., 12 об.

⁵² Там же. Д. 572. Л. 54.

служебным положением, а самую заметную роль в деле развала коммуны сыграли руководитель окружного колхозсоюза Ермашев и агроном Карякин, снятый с работы в совхозе «Хуторок» как «несоответствующий своему назначению» и присланный в Кладненскую коммуну на ту же должность. Северов утверждал, что эти двое не просто плохо руководили коммуной, но стремились ее развалить, дабы поживиться колхозным имуществом, в частности распродать в свою пользу сельхозинвентарь: «Административная прыть, запугивание, моральное давление, сравнение с кулаком и фермером, изощренное чиновничество и бюрократизм – арсенал ермашевского орудия в борьбе за разложение коммуны. К несчастью, Ермашев, поддерживаемый вначале Армавирскими организациями и даже газетой “Трудовой путь”, достиг финиша, пришел к цели – Кладненская земледельческая коммуна распалась»⁵³.

Чехам и словакам из разваленной коммуны пришлось покинуть СССР, горько констатируя в своем письме в Наркомзем СССР: «(Все случившееся с нами. – Л.Б., В.Б.) значит, что при заключении договора (о нашем переезде в Советский Союз. – Л.Б., В.Б.) не имели Вы честных умыслов, а (хотели сюда. – Л.Б., В.Б.) ... втянуть чехословацкий пролетариат только затем, чтобы... построить большое культурное хозяйство за средства чужого пролетариата, а после этого быть выброшенным (этому пролетариату из страны. – Л.Б., В.Б.)»⁵⁴. И хотя в мае 1930 г. Президиум Северо-Кавказского крайсоюза колхозсоюзов постановил, что со стороны Ермашева «бесспорно имеются элементы уголовного преступления», поскольку он «в корыстных целях стремился захватить имущество и машины чехословацкой коммуны»⁵⁵, виновные так и не были подвергнуты судебному преследованию.

«Великий перелом» внес существенные коррективы в жизнь и положение иммигрантов. В условиях нагнетаемой властями обстановки социальной агрессии, всеобщей подозрительности, шпиономании закономерно усилилось подозрительно-враждебное отношение партийно-советского чиновничества, рядовых коммунистов и просоветских активистов ко всем «социально-чуждым» или нелояльным правящему режиму жителям СССР. Широкие масштабы приобрели гонения на таких лиц и репрессивные акции по отношению к ним. Все это стимулировало проживавших в Советском Союзе представителей национальных меньшинств (тех, которые не принимали реалии «великого перелома») по возможности покинуть сталинский СССР и переехать на историческую родину. В частности, по информации германского МИД, в 1929–1933 гг. в Германию прибыло до 6 тыс. советских немцев⁵⁶.

Возросла подозрительность и к иностранцам, в которых стали видеть шпионов. Один из русских эмигрантов, посетив в 1929 г. СССР, утверждал, что «там паршиво вообще и грязно в частности. Народ какой-то пошел там иной, на людей, внешне имеющих европейский вид, косится...»⁵⁷. Он наблюдал появление той тенденции, которая безусловно возобладали в 1930-х годах.

Пиком недоверия к иммигрантам и гонений на них стали времена «Большого террора». Весьма наглядны в данном случае события в коммуне «Сеятель». Как уже отмечалось, эта коммуна считалась процветающим образцовым коллективным хозяйством, одним из лучших на Дону. Однако осенью 1937 г. коммуну посетили инструкторы отдела руководящих партийных органов (ОРПО) Ростовского обкома ВКП(б) Олейников и Смирнов, инспектировавшие состояние партийной работы в коммуне. По итогам проведенного обследования ими была составлена докладная записка «О состоянии

⁵³ Там же. Л. 55.

⁵⁴ Там же. Л. 67.

⁵⁵ Там же. Л. 35.

⁵⁶ Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М., 2005. С. 507.

⁵⁷ Крестная ноша. Трагедия казачества / сост. В.С. Сидоров. Ростов-на-Дону. 1994. С. 116.

партийной работы в Сальском районе», рассмотренная на бюро Ростовского обкома ВКП(б) 11 ноября 1937 г.

Данный документ проникнут типичным для того времени духом шпиономании и подозрительности. Помимо прочего, составители записки безапелляционно утверждали, что «коммуна “Сеятель” по существу со дня организации (1922 г.) и до настоящего времени (1937 г.) являлась резиденцией для явки всяких контрреволюционных, фашистских элементов, приезжающих из-за границы и разных мест Советского Союза. Последние, ознакомившись и получив материалы, разъезжались обратно за границу, в другие местности Советского Союза (города, совхозы), а часть осела в коммуне, оставаясь не разоблаченными до настоящего времени»⁵⁸.

В записке излагались факты посещения коммуны иностранцами на протяжении разных лет. Это, по мнению ее составителей, должно было обосновать их утверждение о статусе «Сеятеля» как шпионского гнезда: «коммуна посещали экскурсии коллективные и индивидуальные». В 1932 г. в коммуну приезжали из Берлина «профессор агрокультуры Зорнар-Гане», из Англии некий «Гомлес (профессия не установлена)», из Кенинсберга некто «Гавтомас – директор какого-то университета». Причем «эту компанию сопровождал директор немецкой концессии “Друзаг” Блюм Алфер». В 1933 г. из Нью-Йорка в коммуну приезжали «Френк (муж с женой). По профессиям учителя, задавали членам коммуны такие вопросы: “Скажите, много ли проживет человек на одном хлебе?”». В том же году «Сеятель» посетили приехавшие из Чикаго «адвокат Андресон-Гас и какой-то научный сотрудник Гас»⁵⁹, и т.д.

Олейников и Смирнов не остановились на перечислении «каких-то научных сотрудников» «каких-то университетов». Под рубрикой «наиболее характерные типичные агенты фашизма, замаскированные шпионы в коммуне» инструкторы ОРПО с торжеством назвали ряд явных, по их мнению, иностранных агентов, обретавшихся в «Сеятеле»: на первом месте был указан японец Таира Ренджес, прибывший в СССР из Америки в 1933 г. В том же году, при содействии ЦК МОПР (Международная организация помощи борцам революции. – Л.Г., В.Б.) и лично некоего американца, названного в записке Картер Дзезик, Таира устроился в совхозе «Гигант», а в 1934 г. – в коммуне «Сеятель» и стал здесь огородником. Составители записки многозначительно указывали, что Таира «владеет японским, китайским, английским и русским языками, хорошо грамотный». Он «имеет связь с заграницей, путем переписки с сестрой в Калифорнии, братом [в] Мексике и братом в Японии», а «живую связь» поддерживает в Москве, но с кем – скрывает. Кроме того, в апреле 1937 г. к Таире приезжал работающий на Ростсельмаше еще один японец Рахметов (надо полагать, типично японская фамилия). Очень сомнительным составителям записки показалась трудовая активность японца («в производственной работе показывает себя как хороший производственник) и его женитьба на русской, «чтобы более замаскировать себя в 1935 г. женился на русской, работающей в совхозе “Гигант”».

В таком же духе повествовалось о других «шпионах»: Мерик Роданд – американец, который в 1937 г. приехал в «Сеятель» и на весеннем севе избил тракториста, а потом взял расчет и уехал «неизвестно куда»; Тавиль Мак Булла – «арабка», жена Роданда, оставленная им в коммуне «под видом развода». Она окончила в г. Багдаде Педагогический университет, владела арабским, английским и русским языками, но в «Сеятеле» работала портнихой и жила замкнуто, поддерживая связь с заграницей. Гарбан Доминик – хорват, который «разыгрывает из себя сумасшедшего» и «в коммуне хулиганит, проводит контр-революционную агитацию против руководителей партии и правительства»; Бунне Жан Яковлевич – латыш, который заведовал в коммуне животноводством

⁵⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 124.

⁵⁹ Там же. Л. 125.

и «заразил скот бруцеллезом, паратуберкулезом, паратифом, ликвидировал овцеводство»⁶⁰. Председатель коммуны В.И. Соулит обвинялся, по меньшей мере, в пособничестве шпионам — в том, что он способствует «превращению коммуны в резиденцию всяких контр-революционных и фашистских сил»⁶¹.

Как видим, никаких серьезных обоснований своим обвинениям авторы записки не приводили, упирая на сам факт зарубежного происхождения коммунаров, поддержания контактов с заграницей, а также на перманентно нестабильный количественный состав коммуны. Более весомо выглядели обвинения в целенаправленном вредительстве, как в случае с Жаном Бунне. Усиливая данный обвинительный мотив, Олейников и Смирнов перечисляли негативные явления в «Сеятеле»: бесхозяйственность (не заскирдованы сено и солома, скот заражен бруцеллезом, зяби поднято только 20% и пр.), пограние «колхозной демократии» (колхозники даже не ходят на ничего не решающие колхозные собрания, правление не переизбиралось вот уже 6 лет), материально-бытовые сложности («квартирные условия (коммунаров. — Л.Б., В.Б.) очень скверные», питание однообразное) и т.п.⁶²

Однако подобные явления в избытке наблюдались отнюдь не только в «Сеятеле» или других иммигрантских коммунах, но и во множестве обычных коллективных хозяйств Советского Союза.

Четко выраженный обвинительный уклон докладной записки Олейникова и Смирнова самым существенным образом диссонировал с изложенной в данном документе доказательной базой. Однако члены бюро Ростовского обкома ВКП(б) отнеслись к бумаге со всей серьезностью и постановили «поручить органам НКВД срочно расследовать факты шпионской деятельности в коммуне «Сеятель»»⁶³.

В источниках не содержится сведений о судьбе перечисленных в записке Олейникова и Смирнова иностранцев. Высока вероятность того, что они были репрессированы. Согласно приведенным данным, в 1937 г. в «Сеятеле» насчитывалось 938 членов 20 национальностей, из них 620 русских, 86 украинцев, 74 белоруса, 44 финна, 39 латышей, 22 хорвата, 21 эстонец, 13 «венгерцев», 5 сербов, 4 литовца, 3 поляка, а также «мордвин», немец, осетин, японец, араб, еврей, чех, австриец, американец⁶⁴.

Когда же в 1939 г. «Сеятель», как одно из лучших коллективных хозяйств Ростовской области, был представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, то в справке выставочного комитета указывалось, что в коммуне трудились около 1 тыс. человек, представители уже не 20, а 17 национальностей, среди которых русских и украинцев насчитывалось до 700 человек⁶⁵. Вместе с тем нет оснований драматизировать ситуацию в коммуне. По крайней мере, председатель «Сеятеля» латыш Соулит (Саулит) не пострадал, несмотря на выдвинутые в отношении него обвинения, и оставался на своем посту вплоть до 1940 г.

Миграция иностранных граждан в РСФСР в 1920-х годах с целью участия в строительстве социализма стала уникальным явлением отечественной истории. Селившиеся в сельских местностях Советской России иммигранты создавали коллективные хозяйства, — чаще всего, коммуны, как наиболее приближенные к идеалу социализма. В ряде случаев такие коммуны достигали существенных результатов в своей деятельности и превращались в образцовые коллективные хозяйства. В то же время далеко не все иммигранты смогли адаптироваться к стремительно усиливавшимся в РСФСР (СССР)

⁶⁰ Там же. Л. 126–127.

⁶¹ Там же. Л. 128.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 125.

⁶⁵ Справка выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки о коммуне «Сеятель» Сальского района Ростовской области. 1939 г. С. 714.

бюрократической системе и командно-административной экономике, разрушавшим романтические представления иностранных коммунистов о «социалистическом рае». Характерные для советской действительности 1930-х годов шпиономания, подозрительность и нетерпимость к инакомыслию превращали иммигрантов в нежелательных персон в СССР и препятствовали притоку новых иностранцев. К исходу 1930-х годов иммигрантские колхозы либо перестали существовать, либо же численность иностранцев в них (даже в процветающих) стремилась к нулю и выглядела совершенно незначительной в сравнении с количеством колхозников из числа местных жителей.

Библиография

Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Колхозное право в СССР в 30-е годы XX века // История государства и права. 2014. № 12. С. 19–24.

Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя. М., 2020.

Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.). Первая часть // Юридические исследования. 2013. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=796 (дата обращения: 02.03.2021).

Богуславский М.М., Рубанов А.А. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1962.

Галенская Л.Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982.

Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929. М., 1976.

Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осолкова. Краснодар, 1972.

Крестная ноша. Трагедия казачества / сост. В.С. Сидоров. Ростов-на-Дону, 1994.

Лазарев Л.В., Марышева Н.И. Иностранцы граждане. М., 1992.

Ленинский путь донской станицы / под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. Ростов-на-Дону, 1970.

Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977.

Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971). Часть II. Ростов-на-Дону, 1973.

Парамонов И.В. Пути пройденные. М., 1970.

Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М., 2005.

Тарле Г.Я. Дружбы Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР 1920–1925 гг. М., 1968.

Фельцитинский Ю.Г. К истории нашей закрытости: законодательные основы советской эмиграционной и иммиграционной политики. London, 1988.

References

Berlyavskij L.G., Bondarev V.A. Kolhoznoe pravo v SSSR v 30-e gody XX veka [Collective farm law in the USSR in the 30s of the 20th century] // Istoriya gosudarstva i prava [History of the state and law]. 2014. № 12. S. 19–24. (In Russ.)

Berlyavskij L.G., Bondarev V.A. Stanovlenie gosudarstvenno-pravovyh osnov sovetskogo agrarnogo stroya [Formation of the state-legal foundations of the Soviet agrarian system]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Belkovec L.P. Inostrancy v Sovetskoy Rossii (SSSR): regulirovanie pravovogo polozheniya i porjadka prebyvaniya (1917–1939-e gg.). Pervaya chast' [Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal situation and the order of stay (1917–1939). The first part] // Yuridicheskie issledovaniya [Legal research]. 2013. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=796 (access date: 02.03.2021). (In Russ.)

Boguslavskij M.M., Rubanov A.A. Pravovoe polozhenie inostrancev v SSSR [Legal status of foreigners in the USSR]. Moskva, 1962. (In Russ.)

Galenskaya L.N. Pravovoe polozhenie inostrancev v SSSR [Legal status of foreigners in the USSR]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Grishaev V.V. Sel'skohozyajstvennyye kommuny Sovetskoy Rossii 1917–1929 [Agricultural communes of Soviet Russia 1917–1929]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Коллективизация сел'sкого хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осолкова [Collectivization of agriculture in the North Caucasus (1927–1937) / eds P.V. Semernina, E.N. Oskolkova]. Krasnodar, 1972. (In Russ.)

Krestnaya nosha. Tragediya kazachestva / sost. V.S. Sidorov [Godmother's burden. The tragedy of the Cossacks / creat. V.S. Sidorov]. Rostov-na-Donu, 1994. (In Russ.)

Lazarev L.V., Marysheva N.I. Inostrannye grazhdane [Foreign citizens]. Moskva, 1992. (In Russ.)

Leninskij put' donskoj stanicy / pod red. F.I. Potasheva, S.A. Andronova [Leninsky way of the Donskoy stanitsa / eds F.I. Potasheva, S.A. Andronova]. Rostov-na-Donu, 1970. (In Russ.)

Narodnoe hozyajstvo SSSR za 60 let [The national economy of the USSR for 60 years]. Moskva, 1977. (In Russ.)

Ocherki istorii partijnyh organizacij Dona (1921–1971). Chast' II [Essays on the history of the Don Party organizations (1921–1971). Part II]. Rostov-na-Donu, 1973. (In Russ.)

Paramonov I.V. Puti projdennye [The paths passed]. Moskva, 1970. (In Russ.)

Rossiya i ee regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migracii / pod red. O. Glezer, P. Polyana [Russia and its regions in the 20th century: territory-settlement-migration / eds O. Glezer, P. Polyana]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Tarle G.Ya. Druz'ya Stran Sovetov. Uchastie zarubezhnyh trudyashchihsya v vosstanovlenii narodnogo hozyajstva SSSR 1920–1925 gg. [Friends of the Soviet Countries. Participation of foreign workers in the restoration of the national economy of the USSR 1920–1925]. Moskva, 1968. (In Russ.)

Fel'shtinskij Yu.G. K istorii nashej zakrytosti: zakonodatel'nye osnovy sovetskoj emigracionnoj i immigracionnoj politiki [Towards the History of our Closeness: the legislative foundations of Soviet Emigration and Immigration Policy]. London, 1988. (In Russ.)